

Ли Жун, поваленный Цэнь Сяо, решил не сопротивляться и просто растянулся на земле. Раскинув руки, он замер, глядя в бездонное лазурное небо и пытаясь унять накопившуюся в теле усталость.

Пока он бежал, выжимаясь до предела, изнеможение не чувствовалось, но стоило остановиться, как легкие и бронхи отозвались жжением. Впрочем, молодость брала своё — спустя пару минут дыхание выровнялось, а бешеное сердцебиение замедлилось.

Цэнь Сяо сел рядом. Территория вокруг давно превратилась в царство диких трав и сорняков. Старый экспериментальный корпус забросили ещё тридцать лет назад. Какое-то время комнаты, где не проводились опыты, использовали под общежитие для персонала, но позже и эта затея сошла на нет. Теперь здесь лишь изредка появлялся смотритель, чтобы проверить замки или смахнуть пыль.

— Я здесь раньше никогда не бывал. С чего ты решил бежать именно сюда?

Ли Жун повернул голову к собеседнику и, всё ещё немного задыхаясь, проговорил:

— Когда бежишь... некогда выбирать маршрут. Просто сворачиваешь туда, где поменьше людей.

Цэнь Сяо накрыл ладонью его руку, лежащую на траве, и принялся рассеянно разминать мягкую ладонь юноши.

— Я просил маму разузнать о Хань Ине. Забыл сказать тебе об этом раньше.

Ли Жун моргнул и осторожно ухватил Цэнь Сяо за большой палец. Прикосновения мужчины были слишком лёгкими и вызвали щекотку.

— И что она говорит?

Цэнь Сяо позволил ему удерживать свой палец и, не шевелясь, медленно заговорил:

— Хань Ин действительно вернулся из-за болезни бабушки. Раньше она сама летала за границу навестить внука, но теперь её здоровье этого не позволяет. Хань Цзян очень дорожит семьёй и чтит традиции. Испугавшись, что это их последняя встреча, он разрешил сыну приехать. Скорее всего, тот останется в стране до самой смерти старушки. Впрочем, особой любви к бабушке, которую он видел раз в пару лет, молодой человек не питает. Он рвался назад лишь потому, что его допекла жена, а тут как раз подвернулась возможность возобновить интрижку с Цзян Чжэн. Поездка к больной родственнице стала для него лишь официальным поводом.

Ли Жун не удержался от смешка:

— И твоя мама всё это знает?

— Знает, — подтвердил Цэнь Сяо. — Нам повезло, что Хань Цзян старается не смешивать работу с личными делами и почти ничего не рассказывает жене. Иначе моя мать не смогла бы вытянуть из неё столько подробностей. Супруга господина Ханя годами изнывает от скуки: ей не нужно работать, муж держит её в неведении относительно своих дел, поэтому всё её внимание сосредоточено на единственном сыне. Его мысли и планы для неё — открытая книга.

Трава неприятно колола шею, и Ли Жун, приподнявшись на локтях, сел.

— А что насчёт событий тех лет?

— Прошло много времени, она потеряла бдительность и не прочь поворчать в разговоре с подругой, — ответил Цэнь Сяо. — О том, что именно произошло тогда, женщина не обмолвилась, но сказала, что всегда была против отъезда сына и хотела видеть его рядом. Хань Цзян же настоял на своём. Он видел, что отпрыск, пользуясь положением отца, рос наглым, заносчивым и распущенным. Раньше у него не было времени заниматься воспитанием, но потом он понял, что Хань Ин окончательно деградирует, и отправил его за границу «на закалку». Она также жаловалась, что муж считал сына бестолковым и страшно злился на него за то, что тот «опозорил семью».

Ли Жун нахмурился:

— Хань Цзян действительно так думал?

— Это слова его жены. Но, зная характер этого человека, такой исход вполне вероятен. В конце концов, парня застукали за «этим» прямо в лаборатории. Если бы слухи поползли дальше, репутация самого Хань Цзяна была бы уничтожена.

Ли Жун холодно усмехнулся и снова пару раз кашлянул.

Порыв ветра высушил испарину на теле, и юноша зябко передернул плечами. Цэнь Сяо тут же притянул его к себе и застегнул на нём куртку.

— Раз уж мы здесь, пойдём пообедаем у Восточных ворот. Кажется, там подавали неплохую свинину с рисом.

Он рывком поднял Ли Жуну с травы. Тот, едва встав, послушно повернулся спиной, ожидая, пока Цэнь Сяо отряхнет его от приставшего мусора.

На светлой куртке Ли Жуна любая грязь была видна издалека. Цэнь Сяо бережно смахнул остатки сухих листьев, а в конце довольно ощутимо шлепнул юношу пониже спины:

— Готово.

Ли Жун качнулся от удара и плотно сжал губы, подавляя улыбку. Он понял, что Цэнь Сяо мстит за ту выходку с коленом, а потому решил не возмущаться — одежда всё равно была плотной.

Он откинулся назад, и Цэнь Сяо привычным жестом обнял его за плечи, направляя в сторону Восточных ворот.

Выйдя из зарослей на дорожку из битого кирпича, они неизбежно должны были пройти мимо ряда заброшенных лабораторий.

Лаборатории тех лет располагались не в многоэтажных корпусах, а в рядах приземистых одноэтажных построек. Окна, защищенные железными решетками, были наглухо покрашены черной краской. Из дыр в стенах торчали белые трубы, уходящие в огромные чаны снаружи.

Прямо под трубами стены были изъедены ржавыми потеками от химикатов. Почва вокруг баков была настолько отравлена, что в радиусе нескольких метров не росло ни травинки.

Когда помещения опустели, баки утилизировали, а трубы вывезли. Теперь на их месте зияли черные дыры, затянутые паутиной.

Разглядывая условия, в которых проводились исследования десятилетия назад, Ли Жун невольно вздохнул. Современное оборудование стало куда совершеннее, а стандарты безопасности — строже. Но все эти правила были написаны кровью и горьким опытом предшественников.

Наука — тяжкий труд. Она требует не только полной самоотдачи и страсти, но и готовности принять на себя непредсказуемые риски и вред здоровью.

Ли Жун знал многих ученых старой закалки, чей организм был настолько отравлен химикатами, что это отразилось на их детях, обрекая тех на страдания.

Посвятить себя науке — само по себе подвиг. И бесконечно горько, когда эта чистая, священная сфера оскверняется человеческим эгоизмом. Настоящий ученый сегодня должен быть не только профессионалом, но и мастером самозащиты.

— Посмотри туда, — Цэнь Сяо крепче сжал его плечо, указывая на потемневшую от времени табличку на стене.

Ли Жун очнулся от своих мыслей и проследил за его взглядом.

Примерно в метре от одного из окон висел именной указатель. За десятилетия дождей и ветров он проржавел до неузнаваемости и теперь держался на единственном гвозде, сиротливо раскачиваясь на ветру.

Подойдя ближе, они смогли сквозь слой грязи и ржавчины разобрать полустертые иероглифы:

«Лаборатория Чжу Янь».

В старые времена лабораториям часто давали имена руководителей — если имя было достаточно весомым.

Чжу Янь. Нынешний директор Исследовательского института «Хунсо».

Ли Жун взглянул на Цэнь Сяо:

— Значит, Чжу Янь когда-то работал здесь.

— Оказывается, он тоже преподавал в Университете А, — вполголоса заметил Цэнь Сяо.

— Почти все ученые того поколения начинали с преподавания, — объяснил Ли Жун. — Старики из «Хунсо», уходя на покой, возвращались либо в Университет А, либо в другие престижные вузы. Это сейчас многие молодые специалисты после стажировки сразу идут в институты.

Узнав, что это место принадлежало Чжу Яню, Ли Жун принялся разглядывать его внимательнее.

Он заглянул в щель разбитого окна. Изнутри пахло тяжелым запахом застоявшейся пыли, и юноша тут же прикрыл нос рукой.

Внутри не было ничего необычного: стандартная планировка старой лаборатории. Раковины, рабочие столы, колбы и железные шкафы для медикаментов.

Вот только теперь всё это было завалено горами сломанных стульев, выцветшими шторами, сухими обломками швабр и облезлой классной доской.

Ли Жун выпрямился и задумчиво произнес:

— Здесь ничего не найти. Прошло больше тридцати лет, тут наверняка прибирались сотни раз.

Цэнь Сяо и не рассчитывал на находки. Просто было странно наткнуться на лабораторию бывшего владельца вот так, случайно забрав в эти дебри.

Его дед всегда держал язык за зубами и наотрез отказывался объяснять, почему недолюбливает Чжу Яня. Он даже опускался до самоуничижительных фраз о том, что «ученые всегда презирают друг друга».

Но Цэнь Сяо понимал: директора «Хунсо» вряд ли можно было назвать просто коллегой, да и делить им с дедом было нечего. Так в чем же истинная причина этой неприязни?

— Пойдем есть, — Цэнь Сяо уже хотел увести Ли Жуна, когда на телефон внезапно позвонил Цзянь Фу.

Он включил громкую связь.

Голос Цзянь Фу так и лучился энергией:

— Алло! Брат, вы со Старостой пойдете обедать? Наш маленький артист только что закончил съемки тура «из двадцати в десять». Снова первый в голосовании! Ему дали редкий выходной.

Следом послышался голос Линь Циня:

— На самом деле, мне дали отгул только из-за занятий в университете. Продюсеры не могли меня не пустить. Честно говоря, учиться сейчас куда проще, чем сниматься в шоу.

Цэнь Сяо посмотрел на Ли Жуна:

— Пойдем?

До площади с фонтаном было приличное расстояние — несколько километров пешком.

Ли Жун задумался. Линь Цинь уже вошел в десятку лучших, а это значило, что развлекательные компании вот-вот начнут на него охоту.

Топ-10 — это предел для одиночного игрока. Чтобы двигаться дальше, необходима поддержка крупного агентства. В конце концов, такие шоу создаются не ради благотворительности.

— Пойдем, — кивнул Ли Жун. — Дойдем до Восточных ворот и возьмем такси.

Услышав голос Ли Жуна, Линь Цинь заметно воодушевился:

— Староста! На следующей неделе мы едем в Город Линь на благотворительные съемки в детский дом. Тебе привезти каких-нибудь местных деликатесов? Говорят, там всё натуральное, прямо из гор, никакой химии.

Ли Жун задумчиво повторил:

— Детский дом в Лине?

Выездные съемки и благотворительность — обычное дело для реалити-шоу, но в последнее время Ли Жун стал особенно чувствителен к теме приютов.

Цэнь Сяо не выдержал и уточнил:

— Что за детский дом в Городе Линь?

Цэнь Сяо знал, что выбор локаций для столь популярных шоу никогда не бывает случайным. Разве мог какой-то захолустный приют попасть в проект просто так? Это исключено, учитывая, что спонсором этого шоу выступала биотехнологическая компания «Сухэ».

Линь Цинь на секунду замялся, вспоминая:

— Кажется, он называется детский дом «Сяочэнсян».

Цзянь Фу вздрогнул и в недоумении воскликнул:

— «Сяочэнсян»? Разве это не тот самый приют, который участвовал в первой фазе испытаний Люйиньсюй?

<http://bllate.org/book/15351/1506483>